

ка, чувство меры». К этому можно добавить и «генетическую память»: по словам К., он является потомком по мужской линии корейского средневекового поэта Ким Си Сыпа, знаменитого на Востоке почти так же, как Омар Хайям. Кореец по происхождению, К. пишет на русском яз. и считает себя русским писателем: «В русской классической литературе прошлого века та традиция — нравственная и эстетическая, <...> которая мне ближе всего». По словам критика В. Бондаренко, в прозе К. звучит «голос русского писателя с иным национальным менталитетом». Именно в этом синтезе и проявились те важные философские и мировоззренческие, этические и эстетические качества прозы К., которые определили ее своеобразие и позволили говорить об особом «кимовском метафорическом реализме».

По сценарию К. на киностудии «Казахфильм» режиссером Е. Шинарбаевым сняты худож. фильмы «Сестра моя Люся» (1985), «Выйти из леса на поляну» (1988), «Месть» (1989).

Член российского ПЕН-клуба. Лауреат итальянской премии «Москва–Пенне» (2000).

Соч.: Нефритовый пояс / послесл. С. Залыгина. М., 1981; Собиратели трав: повести / послесл. В. Бондаренко. М., 1983; Белка: роман-сказка. М., 1984; Невеста моря: Рассказы, роман / послесл. Л. Аннинского. М., 1987; Избранное: Повести, роман / вступ. статья Н. Любимова. М., 1988; Онлирия: роман. М., 2000; Белка: Роман-сказка, повести. М., 2001; Остров Ионы: Метароман, повесть. М., 2002; Избранное: Отец-лес: роман-притча; Поселок кентавров: роман-гротеск; Сбор грибов под музыку Баха: роман-мистерия; Стена: повесть невидимок; Близнец: роман. М., 2002.

Лит.: Холшевникова Е. В зеленой гуще жизни... // Аврора. 1979. № 3; Егоров Е. Чеканное звено нежности // Культура и жизнь. 1986. № 8; Степанян К. Люди и боги в свете иронии: О романе А. Кима «Поселок кентавров» // Независимая газ. 1992. 11 сент.; Сафронова Л. Ритмическая композиция прозаического произведения: На материале произведений А. Кима: автореферат канд. дис. Алма-Ата, 1994; Вольтская Т. Сэнсэй, живущий сам по себе // Невское время. 2001. 5 апр.

О. В. Богданова

КИМ Юлий Черсанович (псевдоним Юлий Михайлов) [23.12.1936, Москва] — поэт, драматург, композитор.

В 1937 К. осиротел: отец был репрессирован (расстрелян в 1938). Мать оказалась в ссылке, вернувшись из которой, она вместе с сыном отправилась в Туркмению, откуда К. в 1954 приехал в Москву и поступил в Мос-

ковский гос. педагогический ин-т, не решившись поступать на журфак МГУ, «хотя и считал себя начинающим писателем, имея за душой с десяток плохих стихотворений... нагло полагая, что уж как-нибудь, в процессе обучения, стану если не писателем, то журналистом, либо редактором, либо ученым-литературоведом» (Творческий вечер: Произведения разных лет. С. 266).

В МГПИ К. занимался в лит. кружке, сочинял стихи и песни, посещал семинар по античному искусству, учил латынь, публиковался в стенной и многотиражной местной прессе, иногда выступал на сцене. МГПИ в те годы был известен как рассадник т. н. «авторской песни»: там учились и творили ее создатели — Юрий Визбор, Ада Якушева, Юрий Коваль. И К. в этих стенах навсегда связал себя с песенной поэзией, совмещающей традиции фольклора, городского романа, студенческого капустника — под неизменный аккомпанемент гитары.

По распределению К. 3 года отработал в пос. Анапка Камчатской обл. Темперамент и творческая активность К. внесли свежую струю в жизнь поселка: организованные им ансамбли исполняли популярные и собственного сочинения песни, ставились даже «песенные программы» и кукольные спектакли; слушали классическую музыку, устраивали походы и костюмированные балы. Такова была педагогическая деятельность К., продлившаяся 9 лет, — «я учительствовал, и с удовольствием... с чувством увлекательного и значи-

Ю. Ч. Ким

тельного дела. Бесконечно творческого. Одновременно с этим шло у меня, и все лучше и больше, дело писательское... по судьбе, по призванию, вышло мне быть писателем. Не вышло бы — я бы учительствовал и по сей день», — вспоминает К. (Творческий вечер... С. 269). С 1968 К. прекратил педагогическую деятельность и стал профессиональным литератором.

Первые стихи К., написанные на рубеже 1950–60-х — произведения счастливого, полного сил и надежд человека. Его ценности — культ дружества и братства, любовь к ученикам, к будущему, азарт странствий и «ежедневная радость изумления». Тогда с молодой, еще несколько угловатой прямо-той он определяет для себя и своего поколения главную задачу — жизненную и одновременно творческую: «Нам надо знать, что знать, / И знать, что делать, / Затем, что больше сделать и познать» («**Запутавшись в словесной дешевизне...**», 1957).

Уже в первых стих. наметились основные черты стиля К.: очень вольные метафоры, неожиданные сравнения, легкая, часто насмешливая игра с привычными «поэтизмами» и разговорной фразеологией, с чем могли соседствовать и задушевный лиризм, и самоирония: «По-над речкой, по-над шустрой / В нервном состоянии / Я повешу сердце люстрой / И пройду в сиянии» («**Оттепель в Ленинграде**», 1955). В поэтике К. важны комическая стилизация и «переключки», пронизывающая стиховую ткань: «Я поднимаю кубок пенный / За тех, чей жребий непременный — / Мужать для жизни совершенной / Не в сфере радости слепой, / Не в светском обществе талантов, / Но среди анчаров и тарантулов, / На почве, зноем раскаленной, / В пустыне чахлой и скупой...» («**Стихи, которые я прочту**», 1958).

Быструю и широкую известность (поначалу в студенческой среде, а затем и в др. социальных кругах) К. приобрел благодаря своим песням (всего их написано более 200, в т. ч. песни к 50 кинофильмам, 40 спектаклям). Одна из первых — «**Рыба-ки**» (1959), в течение мн. лет звучавшая на радио и в концертах, привлекавшая своим детски-беззаботным мироощущением и звонкими интонациями. В вольнолюбивой атмосфере 1960-х естественно складывалось песенное выражение молодой устремленности вдаль, и одним из таких произведений стала знаменитая песня К. «**Фантастика-романтика**» (1963): «Негаданно-нечаянно / Пришла пора дороги дальней. / Давай, дружок, отчаливай, / Канат отвязывай причальный! / Гудит норд-ост, /

Не видно звезд, / Угрюмы небеса... / И все ж, друзья, не поминайте лихом, / Поднимаю паруса!» Однако мн. песни К. тогда не могли быть одобрены официальными инстанциями и предназначались для друзей и самодеятельного исполнения, но этот круг их бытования неудержимо и стихийно расширялся; такова была судьба самого жанра «авторской песни». В них «детская» тема, например, воплощаясь в образе непослушного мальчишки («**Колька-хулиган**», 1960; «**Хулиганская**», 1972), оборачивалась дерзким вызовом всей комсомольско-пионерской педагогике. Веселым вызовом идеологическим «устоям» были такие песни, как «**Преподаватель обществоведения**» (1963), где в характерной для К. простодушно-саркастической форме обозначалось положение интеллигента в советском государстве: «А я, бедный, общество ведаю, ведаю, / А оно заведует мной». Подчас песенный рассказ о злободневном событии заключался острым политическим выводом: «А слышали, опять готовят акцию: / Твардовского задумали отставить! / Уж коль не человека, так редакцию — / Ну надо же кого-то обезглавить!» («**Разговор 1967 года**»). Гражданскую оппозиционность песни К. выражали и позже, уже на пороге больших социальных перемен: как бы ни менялся облик властей, они все равно «И прижучат, и прищучат, / И ногами заступчат, / Отовсюду поисклучат / И повсюду заключат» («**Историческая перестроечная**», 1988).

В зрелом поэтическом творчестве К. есть попытки соединить в едином повествовании несколько тем и мотивов, разбросанных в малых жанрах; так сложилась поэма «**Каникулы в Пярну**» (1980-е): в непринужденную форму лирического дневника облечены размышления об эмиграции, минувшей войне, о поэзии.

Со временем все большую популярность приобретает Юлий Михайлов (псевдоним К.) — сочинитель текстов для мюзиклов, драматург. На этом поприще он смело и остроумно «осовременивает» знаменитые сюжеты. По мотивам ранней шекспировской комедии «Как вам это нравится» К. создает «**Сказку Арденнского леса**» (1981). В театрально-поэтическом сочинении пасторальность отошла в тень, гимн независимости и достоинству становится лейтмотивом. Когда братья оказываются врагами, Розалинда, дочь одного из них, коварно смещенного и высланного, не отрекается от отца, как не отказываются и от нее верные друзья. Становится совр. старинный сюжет с переодеванием, шутовством,

розыгрышами, маскарадом. Так же модернизирует источник трактовка К. известного романа Ш. де Костера в либретто оперы **«Тиль Уленшпигель»** (1988). Монологи главного героя полны болью за погибшего отца, свободолюбием, душевным здоровьем, благородством. Ему противопоставлен обобщенный образ тирана (о прототипе которого нетрудно догадаться), считающего, что «надо — крепче! — взять скота за горло, чтоб научился он дышать». В инсценировках К. не сразу заметный «второй план» является подмостками, на которых в формах классического сюжета разыгрываются коллизии советской эпохи.

Этот «второй план» становится первым в драматической поэме **«Московские кухни»** (1989). Главное место действия — кухня в московской квартире, «десять метров на сто человек». Время действия — «застойное», недавнее. Знакома и ситуация — «наипервейшее дело кухонное — это русский ночной разговор». Понимая, что в стране тоталитарный режим приобретает все более угрожающий для личности характер, молодые героини-шестидесятники включаются в правозащитное движение. Илья и Вадим впервые вступают на путь сопротивления тоталитаризму, а Николай — старый лагерник, озлобленный, всегда готовый к жесткому отпору.

На кухне и подписывается письмо-протест, в котором задано много «проклятых» вопросов, и главный среди них: «Неужели единственный выбор — это врать или молчать?» Начинаются слезки, обыски, допросы. Мн. друзья оказываются «бывшими», у власти стоят нравственные ничтожества. Действительность не только аморальна, но и абсурдна, поэтому достоверность изображения гарантировала сатирический эффект. Сатира и абсурд — по форме, а по существу — историческая истина.

Герои поставлены перед выбором: эмиграция (это выход для Вадима: «...еду, смываюсь, бегу: / Я их победить не сумею, / Но я и терпеть не могу...»). Или демонстрация, за которой арест. Это выход для Ильи и Николая, которые с лозунгами выходят на площадь. Первый после суда выслан в Сибирь, второй сломлен и раскаивается, помня прежний арестантский опыт. «Точно услышанная музыка эпохи и единый напор делают „Московские кухни“ К. не пестрым коллажем, который искусственно соединял бы реквием по жертвам репрессий, карикатуры на общественное разложение, бытописательский очерк, цитаты из Визбора и Галича, любовную песню, документ и так далее, — а полифоническим единством, подвижным и цель-

ным» (Бек Т. Единственный выбор // Ким Ю. Творческий вечер... С. 277).

Творчество К. во всех его формах выражает не только яркое дарование, жизненную энергию и активность автора, но оно содержательно обеспечено его богатым личным опытом и опытом поколения, чему К., один из немногих, сумел придать оптимистическую перспективу. Он убежден, что «новый стиль человека оформится и станет прочным противостоянием <...> необразованности, холопству, хамству, бескультурью, агрессии. Стиль независимого духа, утверждающий достоинство каждого, неповторимость его личности <...>. Но одновременно он сохранит дух товарищества, дух <...> московских кухонь, который всех нас спасал в годы реакции, — этот феномен не имеет себе равных» (Мы опять сидим на кухне: Диалог Юлия Кима и Аллы Гербер // Летучий ковер. М., 1990. С. 170).

Соч.: Признание в любви. М., 1989; Творческий вечер: Произведения разных лет. М., 1990; Волшебный сон: Фантазии для театра. М., 1990; Летучий ковер: Песни для театра и кино. М., 1990; Московские кухни: Пьеса в стихах. М., 1990; На собственный мотив: [Песни с нотами]. М., 1998; Собрание пестрых глав: в 2 кн. М., 1998; Сочинения: Песни. Стихи. Пьесы. М., 2000; Мозаика жизни: Стихи, повесть. М., 2000; Юлий Ким // Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 38. М., 2005.

Лит.: Окуджава Б. Запоздалый комплимент // Лит. газ. 1985. 3 апр.; Беленький Л. Возьмем за руки, друзья! // Молодая эстрада. 1986. № 5. С. 83–84; Михалев И. Жизнь и творчество Юлия Кима, показанные в четырех действиях // Турист. 1986. № 3. С. 19; Смелков Ю. Если захотеть... Играться песни Юлия Кима // Московский комсомолец. 1987. 6 мая; Головинский Г. «Рыбакит» и другие песни Юлия Кима // Музыкальная жизнь. 1987. № 5; Оренов В. Драматург с гитарой // Московский комсомолец. 1987. 9 окт.; Оренов В. Чистый замысел творца... // Театр. 1987. № 9. С. 186; Мильштейн И. Юлий Ким и записки из зала // Сельская молодежь. 1987. № 12. С. 5–7; Оренов В. Прислушайся — он от скорбей излечит // Культура и жизнь. 1988. № 4. С. 33; Медведева Г. Ремесло: рыцарь-одиночка // Аврора. 1988. № 11. С. 98–100. Аннинский Л. Истина выходит из обмана // Барды. М., 1999; Библиография [158 назв.] / сост. Р. Шипов // Сов. библиография. 1989. № 5.

С. А. Котельникова

КИН (настоящая фамилия Суrowикин) Виктор Павлович [1(14).1.1903, станция Новохоперск Воронежской губ.— 1937, в заключении] — прозаик.

Вырос в семье машиниста-железнодорожника. Ранние годы прошли в Борисоглебске на Тамбовщине. Начал писать еще гимназистом — эпиграммы, фельетоны для своего